

КУТАС

Высоко в фиолетовом небе парили орлы. Плавными кругами они набирали высоту и кружили над вздыбленными заснеженными хребтами и неприступными гордыми вершинами.

Я лежал на траве лужайки, смотрел вверх и мучался вопросом: «почему я не орел, почему не летаю?»

«Все летают, – рассуждал я, – птицы, насекомые, мыши и даже рыбы. А человек – венец природы – и не летает? Это какая-то вопиющая несправедливость!»

Эх, сейчас бы на бешеной скорости штопором ввинтиться вверх, так чтобы слезы из глаз. А под облаками, где дуют холодные космические ветры, лечь грудью на их упругие струи и лететь над серебряной паутиной рек, крутыми заснеженными склонами, изумрудными ледопадами. Затем опуститься на вершину, походить по хрустящему, ослепительно-белому фирну, оставляя синие следы. А потом, с края обрыва, ласточкой кинуться в пропасть и, набирая скорость, мчаться вдоль крутого заснеженного склона вниз, как горные индейки улары. А у самых палаток сделать «бочку» и... прямо в спальник!»

Я чувствовал себя бесконечно счастливым человеком, которому принадлежит вся Земля.

От высоких мыслей меня отвлекло утробное хрюканье. Выше по ручью стадо яков, по-киргизски – кутасов, переправлялось на другой берег. Животные перебирались с крутого западного склона, где паслись на крошечных зеленых лужайках, на более пологий восточный. Обычно пастух-киргиз загонял стадо яков в верховье сая и оставлял самостоятельно пастись. Через несколько дней он возвращался и в бинокль пересчитывал животных.

Я никак не мог привыкнуть к тому, что эти могучие неторопливые копытные с коровьими мордами и лошадиными хвостами хрюкают, как свиньи. Огромные быки с длинной клочковатой шерстью, свисающей с боков до земли, осторожно ступали по скользким камням мелкого переката. Особенно нравились мне мощные, красиво изогнутые кутасьи рога. И мечтал я иметь такой рог с бронзовым наконечником и кольцом, соединенных цепью. Было бы здорово пить из него вино на студенческих вечеринках.

Я залюбовался рогами одного из кутасов, прикидывая, какой из них мне подошел бы. Кутас остановился напротив и с сожалением посмотрел на меня как на нелепое, безрогое и бесхвостое существо.

Ко мне подошел мальчик-киргиз, работавший поваром в отряде у московских геологов. Кадыр был настоящий горец – мужественный, немногословный и обаятельно наивный. Его любимым напитком был чай, и он не уставал повторять: «Чай пьешь – орел летаешь, чай не пьешь – земля лежишь!»

Конечно, официально рабочим был оформлен отец Кадыра, но поваром работал сын. Зарабатывал Кадыр в месяц в полтора раза больше, чем мы вдвоем с Ником. Сознание того, что родители получают за его работу такие деньги, наполняло двенадцатилетнего мальчишку чувством гордости. Он справедливо полагал, что тот, у кого зарплата выше, делает более важную и полезную работу. Поэтому мальчик с большим старанием относился к своим поварским обязанностям.

Неделю назад я подвернул в маршруте ногу и был оставлен в лагере камеральщик. Ко мне в палатку зашел Кадыр.

«Что это?» – спросил он, достав из кармана пачку сухого киселя.

«Кисель, – ответил я, – ты же видишь здесь написано».

«Это вкусно?»

«Попробуй».

Кадыр открыл при мне пачку и стал пробовать сухой кисель.

«Вкусно!» – подтвердил он.

«Надо сначала его размять и заварить в воде, здесь написано как».

«Спасибо, Анатолий», – поблагодарил мальчик и ушел к себе готовить обед.

Вечером ко мне в палатку ворвался разъяренный Павленко и стал кричать, что ему надоели мои хохмы.

«Какие хохмы?» – не понял я.

«Кто научил Кадыра заваривать кисель?»

«Ну, я, а что?»

«Он и заварил его в борщ!»

Но все обошлось, голодные геологи все-таки съели борщ и Кадыра даже не ругали. Парень искренне считал, что если к вкусному прибавить вкусное, то получится еще вкуснее.

Кадыр подошел ко мне и без всякого интереса взглянул на кутаса.

– Послушай, Кадыр, что, кутасов едят?

– Конечно, – оживился Кадыр, – очень вкусно!

– А рога куда девают?

– А... – мальчик пренебрежительно махнул рукой, – кость, есть нельзя... земля бросай.

– Эх, попасть бы мне на то место, где эти рога «земля бросай». А далеко это?

– Далеко.

Помолчали. Кутас все также смотрел на нас, пытаюсь сообразить, зачем природе понадобилось создавать такие жалкие совершенно голые бесшерстные существа, неспособные даже хрюкать.

Я соорудил кутасу «морду» и хрюкнул, чтобы он не очень-то задавался.

– Интересно, – продолжил я, – их сначала убивают, а потом отбивают рога или наоборот?

– Все равно, кушать нельзя, можно и сначала отбить рога.

– Неужели рога так слабо держатся на голове?

– Топором стукни и отлетят!

– Так слабо держатся рога? – не поверил я. – А почему же они не отлетают, когда кутасы дерутся?

– Отлетают, вон идет с одним рогом, – показал рукой Кадыр.

– Эх, найти бы этот рог! – размечтался я, – да где там. И потом, нужен хороший, гладкий.

– Зачем? – удивился Кадыр. – Кушать нельзя, земля бросай.

– Что ты заладил: «кушать нельзя, кушать нельзя», – и я подробно рассказал мальчику, что хочу сделать из рога. – Обещай мне, Кадыр, что если ты когда-нибудь найдешь хороший кутасий рог, то сразу пришлешь его мне в Ленинград.

– Если так нужно, – расчувствовался Кадыр, – то и сейчас можно достать рога!

– Где?

– Один рог нужен? – деловито поинтересовался Кадыр.

– Лучше, конечно, два, – пожадничал я, представив себе как презентую удивленному Нику роскошный кутасий рог, – а где рога?

– Вон, – показал Кадыр на кутаса, который все еще таранился на нас.

– Как же мы их возьмем? Попросим у пастуха?

– Повалим на землю и отобьем рога.

– А кутасу что, не больно?

– Чему в голове болеть? Там же сплошная кость!

– И что, кутас нам за это ни фи́га не сделает? – я вдруг усомнился. – А пастух? Что он скажет, когда увидит, что один кутас без рогов? Он не рассердится?

– Зачем рассердится? Кушать нельзя! Все равно потом земля бросай!

Где-то в душе я сильно сомневался в возможности такой легкой добычи рогов. Так в моей жизни никогда не бывало, чтобы захотел и сразу, пожалуйста, наоборот – сколько угодно! Но логика Кадыра была проста и неотразима. Мальчик слов на ветер никогда не бросал.

– Ладно, пошли, – я решительно встал, – неси топор, я схожу за веревкой.

Вооружившись, мы направились прямо к ничего не подозревающему кутасу. Бык, очевидно, и в мыслях не допускал, что эти нелепые, но вполне безобидные на вид существа идут к нему отломить рога! Наоборот он, наверное, решил, что сейчас получит что-нибудь вкусное и, не зная людского коварства, наивно и доброжелательно хрюкнул.

Из палатки вышла геологиня Валентина Александровна.

– Анатолий, ты куда направляешься, кто камералить будет?

– Мы не надолго, за рогами!

– Какими рогами? – удивилась геологиня.

– Кутасьими.

– А где ты их видел, в маршруте? – не сразу поняла геологиня.

– Нет, вон у того кутаса!

Валентина Александровна критически осмотрела наше снаряжение и усмехнулась:

– И как же вы собирались завладеть рогами?

– Очень просто, – бодро ответил я, но внутренний голос уже ехидно шепнул мне, что я вляпался, – повалим на землю, стукнем по рогам и все дела.

– Послушай, Анатолий. Кадыру 12 лет, он еще мальчик, но тебе уже 20 и ты учишься в университете. Ты же должен хотя бы соображать? Этот кутас весит полтонны, спит на земле в любые морозы и не боится ни волков, ни барсов. Ты видел, как они дерутся? И вы рассчитывали его вот так спокойно повалить и отбить рога? Да вас потом ни в один морг не приняли бы!

Кадыр был невозмутим как настоящий горец. Я почувствовал, что краснею. Моя растерянность почему-то перешла в обиду.

– А причем тут университет? Там что по коридорам кутасы ходят? Откуда мне было знать, что они такие недотроги, а на вид совсем безобидные!